

и Великого Болгара», начатой в 2010 г. Получены новые знания о социально-исторической топографии, этапах развития этих двух городов, о хозяйственной жизни и быте горожан (Археологические исследования, 2011–2015). Проведенные работы представляют собой большую практическую ценность для создания целостной системы сохранения историко-культурного наследия и его надлежащего использования. И, конечно, событием огромной научной и общественной важности стало включение памятников Болгарского историко-археологического комплекса в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Полевые археологические охранно-спасательные работы проводятся по обследованию земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. Ежегодно сотрудниками Института осуществляются охранные работы на более чем 200 объектах. В результате за последние 10 лет выявлено около 70 ранее неизвестных археологических памятников, обследовано и зафиксировано состояние более 200 ранее выявленных объектов археологии. На более 30 памятниках проведены археологические раскопки общей площадью свыше 30000 кв. м.

Институт активно развивает новые формы своей научно-организационной деятельности. В 2015 г. решением Ученого совета Института был организован совместный с Казанским федеральным университетом сектор этнической истории. Задачей сектора являются организация и проведение междисциплинарных семинаров с целью создания научно-дискуссионной площадки для всестороннего сотрудничества представителей разных дисциплин для решения частных и общих задач в проведении археологических и этноисторических исследований. Участниками семинаров являются ведущие российские и зарубежные исследователи, имеющие большой опыт в осуществлении междисциплинарных гуманитарных исследований.

Имеющийся потенциал археологических подразделений, преобразованных в новую организационную структуру в рамках Академии наук РТ, дает возможность реализовать научный потенциал Республики в данном направлении. Институт археологии АН РТ включается в современные научные процессы с внедрением новых методов исследований в археологии и сохранении культурного наследия. Появление нового научного академического учреждения дает возможность объединять усилия российских и международных научных учреждений, разрабатывающих проблемы древней и средневековой археологии Урала и Поволжья.

Успехи и несомненные достижения археологов Татарстана составляют современный историко-культурный фон, позволивший раскрывать целый пласт древней истории края. В последнее время интерес к археологическим памятникам не ослабевает, а только усиливается. В связи с разработкой фундаментальных проблем археологии и палеоэтнологии Волго-Уральского региона и сопредельных территорий возрастает интенсивность археологических исследований и требования к качеству этих работ. Важнейшая задача нового института состоит в том, чтобы наиболее эффективно использовать кадры археологов и придать их исследованиям новый импульс творческого развития, качественного роста в изучении прошлого.

Союрова А.В. (Екатеринбург)

Роль научных организаций в охране объектов археологического наследия ХМАО – Югры в 1960-1990-е гг.

В послевоенные годы значительно активизировались исследования археологических памятников. Об этом свидетельствует динамика количества выданных Открытых листов на территории РСФСР: 1946 г. – 72 листа, 1955 г. – 155, 1965 г. – 232, 1975 г. – 445 листов (Шаманаев А.В., 2005, с.78). Большая часть археологических изысканий производилась на объектах, которым угрожало разрушение в результате хозяйственной деятельности. Это стимулировало развитие так называемой «новостроечной археологии», которая в настоящее время носит название «аварийно-спасательной». Начиная с 1976 г., когда был принят закон СССР «Об охране и использовании памятников истории

и культуры» (Закон СССР от 29.10.1976 г.), появилась и нормативная база в отношении проведения аварийно-спасательных раскопок. По этому закону промышленные, строительные и иные организации, ведущие работы в зонах расположения археологических памятников, обязаны были финансировать исследования, связанные с их изучением.

Поскольку в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО – Югра) на рубеже 1960–1970-х гг. развернулось грандиозное промышленное освоение края, связанное с развитием нефтегазодобывающей отрасли, то «новостроечная археология» получила здесь особенно широкое распространение: археологические изыскания вскоре стали регулярными, а темпы и объёмы работ возрастали с каждым годом.

Ведущую роль в полевом исследовании ХМАО – Югры с конца 1960-х гг. стали играть археологи Уральского государственного университета (УрГУ). Позднее в этот процесс включились учёные из Института истории и археологии Уральского отделения АН СССР, Томского государственного университета, Тобольского педагогического института и других вузов Северо-Западной Сибири. На протяжении 1960–1990-х гг. археологи выявили в округе более 1000 археологических памятников, из которых наибольшее количество было найдено в Сургутском районе (свыше 600). Здесь же наиболее часто проводились археологические раскопки: с 1971 по 1989 г. в районе осуществлено 89 стационарных изысканий. Наиболее крупные археологические комплексы Сургутского района ХМАО – Югры зафиксированы в урочище Барсова Гора, возле д. Сайгатина и д. Ермаково. Вторым по численности объектов археологического наследия в ХМАО – Югра является Кондинский район – 175 выявленных памятников и 40 раскопанных. Уральские археологи занимались и учётом археологического наследия округа. В течение 1980-1990-х гг. ими была проведена паспортизация 237 археологических объектов и подготовлен проект «Государственного списка недвижимых памятников истории и культуры значения ХМАО», принятый в 1997 г. Они же осуществляли контроль над состоянием объектов культурного наследия и выступали инициаторами принятия законодательных актов по охране памятников археологии в округе.

Как известно, наиболее трудноразрешимой задачей в области организации охраны археологических памятников является обеспечение физической сохранности объектов культурного наследия. В первую очередь эта проблема касалась крупнейшего археологического комплекса в урочище Барсова Гора. В 1971 г. начались широкомасштабные раскопки и одновременно обследование урочища, вызванные строительством железной дороги Тюмень – Сургут. С 1971 по 1972 гг. здесь были открыты 45 городищ и тысячи объектов на неукрепленных поселениях. В связи с таким количеством и разнообразием археологических памятников В.Ф. Генинг – основоположник уральской археологической школы – высказал идею создания на Барсовой Горе археологического заповедника. Эту идею впоследствии уральские археологи много раз пытались довести до руководства Сургутского района и города Сургута. В 1973–1974 гг. начальник Сургутского отряда Уральской археологической экспедиции УрГУ Ю.П. Чемякин впервые поставил вопрос перед органами власти о необходимости организации действенной охраны уникального урочища; в конце 1980-х гг. известные уральские археологи – В.М. Морозов, Н.В. Фёдорова и Ю.П. Чемякин, подготовили и передали в отдел по культуре Сургутского райисполкома отчёт «Археологический комплекс урочища Барсова Гора в Сургутском районе Тюменской области» (БИИКФ СР, ф. Р-4, оп. 1, д. 74), в котором была дана характеристика древностей урочища, рассмотрена их культурно-хронологическая принадлежность, обоснована необходимость охраны, однако администрация не смогла принять необходимые меры для регулирования хозяйственного освоения этой территории, изложенные в документе.

Первые шаги в придании урочищу статуса охраняемой территории были предприняты местными органами государственной власти лишь в 1989–1991 гг. Инициатива по организации музея-заповедника на Барсовой Горе по-прежнему исходила от уральских учёных.

24 июля 1989 г. исполнительный комитет Барсовского поселкового Совета народных депутатов принял решение «Об охране археологических памятников на Барсовой Горе». Им предусматривалось «создание заповедной зоны на Барсовой Горе, с полным запрещением всех видов хозяйственной деятельности, и ограничением неорганизованных посещений», а также ряд других мероприятий по учёту и популяризации археологических памятников (паспортизация, разработка «наглядной аги-

тации» о памятниках Барсовой Горы, создание археологического музея в п. Барсово) (Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора», д.4.21, т.1, л.10-11). Несмотря на обширный перечень мероприятий по охране памятников археологии, реализовать это решение не удалось.

В этом же году исполком Сургутского районного Совета народных депутатов подготовил ещё два законодательных акта об организации заповедной зоны на Барсовой Горе. В решении № 198, принятом 28 августа 1989 г., устанавливалась граница заповедной зоны, запрещались проезд автотранспорта, строительство новых объектов, дорог и другая хозяйственная деятельность на территории заповедной зоны, а также предусматривалось, что «[...] посещение заповедной зоны разрешено только организованной группе туристов с мая по октябрь» (там же, л.12). Решением № 225 от 26 октября 1989 г. вся «сохранившаяся часть «Барсовой горы» объявлялась «охранной и заповедной зоной (8 кв. км)» (там же, л.13); исполкому Барсовского поссовета поручалось установить охранные знаки, а предприятиям и организациям – прекратить активную строительную и хозяйственную деятельность на указанной территории. В решении подчёркивалось, что «отвод земель под народно-хозяйственную деятельность» возможен только после согласования с археологами УрГУ, как наиболее осведомлёнными о древностях урочища (там же, л.13). Предусматривалось и создание группы по проектированию музея «Барсова Гора». Отделам по делам народностей Севера, архитектуры и строительства райисполкома надлежало изучить вопрос о возможности строительства здания для создания постоянной археологической группы на Барсовой Горе с условиями хранения необходимого оборудования, материалов, коллекций и работы научных сотрудников. Во многом эти два решения дублировали друг друга, и также оказались невыполненными.

После очередного обращения уральских археологов было принято решение Президиума Сургутского районного Совета народных депутатов XXI созыва № 35 от 5 ноября 1990 г. «Об объявлении урочища «Барсова Гора» заповедной зоной». В нём констатировалось, что «[...] организации и предприятия, дислоцирующиеся на территории посёлка, не соблюдают требований по охране окружающей среды. В результате безответственного отношения вырублен лес около посёлка, проложено много дорог, древние захоронения разрушены жителями. Назрела вполне реальная угроза самому существованию уникального комплекса» (там же, л.15). Это решение тоже оказалось декларативным.

Очередная попытка организовать археологический заповедник относится к 1991 г. Исполнительный комитет Сургутского районного Совета народных депутатов принял решение № 240 от 22 августа 1991 г. «Об открытии государственного природно-археологического парка «Барсова Гора» (ГПАНП «Барсова Гора»)» (там же, л.25-26). Согласно ему до 1 октября 1991 г. надлежало вывести за границы национального парка временные промышленные и сельскохозяйственные объекты и решить вопрос с землеотводом под территорию природно-археологического парка «Барсова Гора». Землеотвод под музей-заповедник длился несколько лет, с 1992 по 1996 гг., но так и не был завершён: Федеральная служба лесного хозяйства России отказала в переводе лесных земель в нелесные (Носкова А.В., Чемякин Ю.П., 2008, с.16-17). Итогом этого постановления явилось преобразование музея-заповедника в районный орган по охране памятников истории и культуры. В 1993 г. вместо ГПАНП «Барсова Гора» был учреждён Природно-археологический центр «Барсова Гора», в 1999 г. он был реорганизован в муниципальное учреждение «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора», в 2010 г. – в муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора». В ведомственном отношении это учреждение вплоть до настоящего времени находится в подчинении отдела по культуре Сургутской районной администрации.

Подводя итоги, отметим, что ни в 1980–1990-х гг., ни в настоящее время музей-заповедник на Барсовой Горе организован не был. Одной из главных причин малой эффективности попыток музеефикации комплекса Барсова Гора, на наш взгляд, явилась изначально неверная стратегия создания особо охраняемой историко-культурной территории. Вопрос решался на муниципальном, а не на федеральном уровне, что противоречило законодательству в сфере охраны памятников истории и культуры. Полномочиями по созданию национального парка обладало Правительство РФ, а никак не органы местной власти. В такой же степени неправомерной была постановка под охрану памят-

ников районным Советом народных депутатов, что, после разграничения государственного и местного уровней власти, являлось превышением полномочий со стороны регионального органа власти. Кроме того, организация охраны памятников – это задача администрации, а не учёных, которые не имели правомочий на производство подобных работ.

Производственные документы (1975-2013 гг.) // Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Раздел 4.

Неопубликованные письменные источники (отчёты о НИР, градостроительная документация, диссертации, рукописи). 1958-2013 гг. // БИИКФ СР. Подраздел Р-4.

Закон СССР от 29.10.1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [Электронный ресурс]: Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91282/

Носкова А.В., Чемякин Ю.П., 2008. Шаги по сохранению древностей Барсовой Горы: хронология событий // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург – Сургут: Уральское изд-во. С.16-23.

Шаманов А.В., 2005. Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 92 с.

Шумкин В.Я. (Санкт-Петербург)

**Алексей Викторович Шмидт – основоположник Кольской археологии
и один из создателей научного изучения Уральских древностей**

Археология как одно из подразделений исторической науки, изучающее, в основном, древнейшие, дописьменные этапы развития человечества, обогащенная современными данными естественнонаучных дисциплин, приобретает приоритетное значение в Арктике. Только она совместно с зависящими от нее (по специфике «добычи» необходимых источников) этнографией и палеоантропологией исходит из реально сложившегося этносоциального положения аборигенного населения, которое, несмотря на тысячелетия развития культурного наследия, лишь в новейшее время подверглось «цивилизационным» (в западноевропейском понимании) процессам. Достижения в этой области знания существенны, пополняются постоянно, практически ежегодно.

Пытаясь показать реальное развитие исторических знаний и полученные достоверные результаты, необходимо помнить тех подвижников, с усилий которых начиналось изучение Арктических территорий.

История археологического исследования Кольского Заполярья, в отличие от западных территорий Фенноскандии, сравнительно молода. Первые сведения о каменных орудиях, найденных в Мурманской земле, относятся к 1860 гг. Эти находки были предварены и, пожалуй, стимулированы великолепными статьями К.М. Бэра (1837; 1846) о каменных лабиринтах и первобытной истории Русского Севера, ставшими фактически первыми ростками научного интереса к таким древностям России.

Последующие сообщения П.С. Ефименко (1871), А.И. Кельсиева об обнаружении «местных древностей» долго еще носили лишь описательный характер. Находки были результатом случайных сборов, «дарений» и предназначались, в основном, для разных этнографических и антропологических выставок. Так, например, А.И. Кельсiev в июле–августе 1877 г. с целью сбора древностей объехал восточное и северное побережья Русской Лапландии до полуострова Варангер в Норвегии и обнаружил несколько категорий археологических памятников: лабиринты, каменные выкладки, системы ям-ловушек на северного оленя. Помимо этого, им были проведены раскопки девяти захоронений. Парадоксально, но, умаляя свои открытия, он в письме к председателю Общества лю-